

ПИСЬМО ИЗ СЕМИДЕСЯТЫХ

к 85-летию со дня рождения востоковеда В.С. Манухина

18 сентября 2011 года исполнилось 85 лет со дня рождения нашего земляка, человека неординарной судьбы, ученого и педагога, литературоведа, переводчика и книголюба – Виктора Сергеевича Манухина (1926–1974). В историю нашего города Виктор Сергеевич, можно смело сказать, вписал удивительную и неповторимую страницу: он первый в истории Павловского Посада Китаевед, так что наш любимый город, известный по всей России более всего своим красочным, праздничным платочным промыслом, для историка отечественного востоковедения XX в. интересен как город, в котором родился и жил Китаевед Манухин. Нет сомнений, что имя Виктора Манухина известно в городе многим, – гораздо больше, чем его труды, и самый главный труд ученого – перевод средневекового китайского романа «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». В сущности, городу и его жителям представлялось слишком мало возможностей по достоинству оценить, кто такой был Виктор Сергеевич Манухин, что он сделал для той области науки, которой занимался, и чем он должен быть памятен городу, в котором прожил свою недолгую жизнь.

Серией публикаций, приуроченных к юбилею ученого, мы хотим познакомить читателей газеты с биографией и научной деятельностью В.С. Манухина. Этот проект будет посильным продолжением и развитием доброго начала, положенного статьей патриарха городской журналистики Александра Андреевича Анисенкова «Доктор Ма-ну-хин. Короткие, но памятные встречи» («Колокольня», 2003 год, № 28).

Мы поговорим об истории семьи Виктора Сергеевича и разных периодах его жизни: годах учебы в школе и институте, работе в Институте восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ им. М.В. Ломоносова, его учителям, коллегам и ученикам; поговорим о том, что было представляло его знаменитая библиотека и какова оказалась ее судьба. Наконец, попытаемся составить себе впечатление о том, что за роман он перевел и что перевел кроме этого романа, что было опубликовано им при жизни, а что осталось в рукописях. Постараемся каждую статью сопровождать интересными материалами из архивов.

Сегодня мы обратимся к начальным страницам биографии ученого. Наш рассказ будет как бы предвараем главным публикации номера – воспоминаниям самого Виктора Сергеевича о своих школьных годах. Этот текст, недавно обнаруженный в архиве, был написан в январе 1971 г. в ответ на письмо от пионеров школы № 2. Как предстает, этот ценный исторический источник привлечет внимание местных краеведов.

Семья

Виктор Сергеевич Манухин родился 18 сентября 1926 г. в городе Павловском Посаде Богородского уезда в семье Манухина Сергея Антоновича (5/Х 1888 – 1948) и Манухиной (Болтинской) Елизаветы Алексеевны (1/IV 1895 – 27/IX 1926), они поженились в Павловском Посаде в 1924 году, и Виктор стал их первенцем. Однако самые первые дни его жизни оказались омраченными трагическим событием: мать умерла после родов и маленького Виктора взяли к себе родственники: тетя Ольга Алексеевна Удалова (Болтинская) и ее муж учитель Александр Иванович Удалов, в семье которых рос годовалый сын Борис. В возрасте двух лет Виктора забрали домой отец и его родная сестра Евдокия Антоновна Манухина (13/1 1886 – 25/VII 1973), ставшая для Виктора на всю жизнь второй матерью.

Евдокия и Сергей, родные брат и сестра, жили в родительском доме по ул. Ленина (б. Успенская) и были младшими из шести детей отставного унтер-офицера Антона Андреевича Манухина (1833 г. р.) и Анны Никитичны Манухиной (1853–1912). Сведения о составе семьи деда, А.А. Манухина, по состоянию на 1887 год (до рождения младшего сына Сергея), имеются в замечательном краеведческом издании: Виктор Ситнов. Обыватели Павловского Посада до 1917 года. Словарь-справочник фамилий. Павловский Посад. 2006. На стр. 60 читаем об Антоне Андреевиче: «в мешане Павловского Посада причислен Московский Казенной Палатой 25 июля 1870 г. как бессрочно отпускной фейерверкер». В Метрической книге Воскресенского собора Павловского Посада за 1871 г. в графе о рождении 14 декабря сына Петра, А. А. Манухин записан как «32-й Артиллерийской бригады 1-й батареи старший фейерверкер» (Архивный отдел Администрации Павлово-Посадского района. Фонд 5. О. 1. Д. 10). Надо сказать, что фамилия Манухиных принадлежала к старейшим фамилиям г. Кашина Тверской губернии. Не исключено, что родом из тех мест был и Антон Андреевич. Известно, что артиллерист-«фейерверкер» А.А. Манухин после ухода в «бессрочный отпуск» и женитьбы в Павловском Посаде пошел работать на фабрику. «Промысла фабричного» впоследствии были и его сыновья.

Сергей Манухин до I Мировой войны работал контрощиком и счетоводом на шерстоткацкой платочно-набивной фабрике Товарищества И. П. Абрамова с Сыновьями, затем отслужил три года срочной службы в 1-м Лейб-Драгунском Московском полку имени Императора Петра Великого. Сохранилась его «Записная книжка» времен службы в полку за 1910–1913 гг. В связи с началом во-

ины был мобилизован, служил рядовым в 53-й Артиллерийской бригаде в составе XX армейского корпуса (X Армия, Северо-Западный фронт). Попал в плен после боя 8 февраля 1915 г., два года находился в Германии в лагерях для военнопленных Штаргард и Пархим в Северной Померании, откуда в составе группы военнопленных был возвращен в Россию в августе 1917 г. То, что отец Виктора Манухина был в германском плену и отлично знал немецкий язык, запомнили многие его друзья. Своим прекрасным знанием немецкого в школьные годы, можно уверенно предположить, он был обязан отцу.

Домой Сергей Антонович вернулся, вероятно, лишь через три года: в его «Трудовом списке» 1910–1921 гг. обозначены как «военная служба», но с 1920 г. указано его членство в Союзе текстильщиков. Он вернулся в родной город, в свою и в то же время совершенно другую страну – советскую Россию. Однако продолжил заниматься тем делом, которое было ему знакомо до войны: в 1920–е–1930-е гг. работал счетоводом, затем зам. бухгалтера и бухгалтером на Ленской фабрике Камвольного треста, фабрике № 2 Павловского платочного комбината, в управлении Райпромкомбината. По воспоминаниям знакомых и соседей, Сергей Антонович был хорошим огородником, занимался прививкой плодовых деревьев, собирал прекрасные урожаи овощей и фруктов. Потом и его сын старался заниматься домашним огородом, хотя времени на это у него, конечно, не хватало.

Из ближайших родственников у Виктора Манухина в Павловском Посаде был также дед по материнской линии – Алексей Алексеевич Болтинский (1862–1945). Его дочь Елизавета Алексеевна от первого брака с Ефросиньей Александровной Фирсовой (ум. в 1900 г.) – родная мать Виктора. Вторым браком дед был женат на Анастасии Васильевне Белкиной (1879–1958); в 1910 г. семья переехала из Богородска в Павловский Посад. Дети и внуки деда Алексея от первого и второго браков и составляли круг родственного общения дяди Виктора Сергеевича с детства и до конца жизни. О семьях и детях старших Манухиных, родных отца, сведений нет.

Школьные годы

В 1934–1938 гг. Виктор Манухин учился буквально в двух шагах от дома – в начальной школе № 7 на улице Ленина, которая тогда занимала двухэтажное здание бывшего Павловского 4-х классового училища Министерства Народного Просвещения, связанного с именем писателя С. Сергеева-Ценского, непродолжительное время служившего здесь учителем. Впоследствии городские власти находили возможным использовать это историческое здание для нужд образования – в 1970–80-х годах здесь размещалась Детская музыкальная школа.

7 «Д» класс школы № 18. Второй справа в первом ряду (сверху) – Виктор Манухин, первая слева во втором ряду – Тамара Хренова. Третья справа в третьем ряду – Ольга Эрзостовна Смирнова, четвертая слева – Анна Алексеевна Буцуйко. Фото из архива Евы Матвеевны Смирновой.

Первой учительницей Виктора Манухина (1–4 класс) была Ольга Эрзостовна Смирнова (1898 – 1976), супруга известного в Богородске и Павловском Посаде педагога и краеведа Матвея Петровича Смирнова (1870 – 1940). По воспоминаниям Тамары Ивановны Хреновой, которая также училась в классе Ольги Эрзостовны вместе с В.С. Манухиным, 1 сентября 1934 г. первоклассники парами, с букетами цветов и держась за руки торжественного обошли вокруг монументального Воскресенского собора Павловского Посада, от которого ныне осталась лишь одна колокольня. С 5-го класса (осень 1938) Виктор учился в средней школе № 18. Школа была новая, экспериментальная, с прекрасным коллективом педагогов во главе с директором Н. В. Менчинским. Ныне школа носит имя своего первого директора. О наиболее ярких событиях школьной жизни прекрасно написал сам Виктор Сергеевич в «Письме Ларисе». Мы лишь добавим, что классной руководительницей 7 «Д» и далее до выпускного класса была Анна Алексеевна Буцуйко (1883–1977), учительница немецкого языка. А в 1940 г. в газете «Ударник» была напечатана заметка «Пионер – в учебе пример» о жизни

пионерской дружины школы № 18, в которой семиклассник Виктор Манухин упомянут пионервожатым Александром Браверманом в числе «передовиков в учебе и дисциплине» («Ударник», 1940, № 243 (2918) от 18 октября). Это первое и единственное прижизненное упоминание имени Виктора Манухина в местной прессе.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война, в здании школы № 18 был открыт госпиталь и старшеклассники перешли учиться в школу № 2 на ул. Кирова во вторую смену. В 1943 г. мальчики-десятиклассники 1925 г. р., не закончив учебный год, были призваны в армию, многие из них не вернулись с фронта. Виктор Манухин был 1926 г. р., поэтому в тот призыв не попал. Он закончил школу летом 1944 г. в свои неполных 18 лет. Про словам Маргариты Александровны Петровой (Удаловой), двоюродной сестры В.С. Манухина, весной 1944 г. в школу приехали преподаватели из Московского института цветных металлов и золота, рассказали о своем вузе, пообещали хорошую стипендию и общежитие в Москве. По итогам собеседования комиссия рекомендовала шесть выпускников из школ № 2 и № 18 к поступлению в их вуз, в том числе Виктора Манухина и его друга Сергея Мухина. Так Манухин оказался студентом Института цветных металлов и золота, но после первого курса оставил институт и чуждую ему специальность. Его знакомая тех лет Тамара Александровна Рощина (Жигарева) вспоминает его слова: «нет, не мое это, Тусь, не мое», и в 1945 г. поступил в Московский институт востоковедения, ставший для него своим. Но рассказ об этом будет темой следующей публикации.

А сейчас мы обратимся к воспоминаниям самого Виктора Сергеевича о годах учебы в школе и прочтем письмо, написанное 40 лет назад. Это письмо было обнаружено в архиве кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки среди бумаг фонда В.С. Манухина. Письмо представляет собой второй экземпляр машинописи, также был найден оригинал письма пионеров школы № 2, в конверте без марки, надписанный детским почерком и, очевидно, принесенный собственноручно переписчиком этого письма – пионеркой 6-го класса школы № 2 Князевой Ларисой. Подобные письма получили многие жители города, – может быть, кто-нибудь даже вспомнит об этом. По воспоминаниям Тамары Ивановны Клячкиной, завуча школы № 2 на протяжении 23-х лет (с 1962 по 1985), такие мероприятия пионервожатый Александр Игнатов организовывал дважды, однако нет сведений о том, чтобы кто-либо из жителей города прислал в школу свой ответ. Ответ пионеркам написал Виктор Сергеевич Манухин, но копия его рассказа о детстве нашлась спустя многие годы

ПИСЬМО ЛАРИСЕ

Дорогая Лариса!

Твое письмо, брошенное в почтовый ящик дома № 17 по ул. Ленина в воскресенье 24 января 71 г., заставило меня, бывшего пионера, заглянуть в уже далекое теперь детство и воскресить в памяти некоторые его события.

Я пошел в школу в 1934 г. Первый урок в памяти не сохранился, хотя очень хорошо помню, как мама привела меня в 7 школу (теперь Музыкальная школа), как в классе уже сидело много моих будущих одноклассников. С некоторыми из них потом учился бок о бок многие годы. В школу я пошел без особого энтузиазма и в первое время у меня не все шло гладко. Моя первая учительница, Ольга Эрзостовна Смирнова – прекрасный человек, опытный и требовательный педагог, не раз оставляла меня в I классе после уроков, что я воспринимал иногда со слезами. Но потом дело пошло на лад. Я стал отличником и много лет подряд получал похвальные грамоты. Но средней школой (с V класса я учился в 18 школе) мое учение отнюдь не завершилось. Судьба уготовала мне еще целых десять

лет учения – сначала в институте, а потом в аспирантуре. Так я стал сам педагогом и теперь учу студентов.

Но вернусь к детству. 1 сентября для меня лично было веселым праздником, но не столько из-за начала учебного года, сколько потому, что в наше время это был Международный юношеский день (МЮД). Вздуряженный я прибежал из школы, бросил портфель и, наскоро поев, торопился на площадь, где с наступлением темноты начиналось торжественное, а в нашем, мальчишеском представлении таинственное факельное шествие, участвовать в котором допускались молодые люди постарше, видимо, комсомольцы, которые вызвались нам совсем взрослыми. Мы же, малыши, если демон-

странты давали нам понести горящий факел. Торжественные, мы возвращались вечером домой.

Не стану вспоминать другие впечатляющие события школьного детства, например, школьные постановки под руководством О.Э. Смирновой, где, помню, я играл Кутейкина в сценах из «Недоросля». Скажу несколько слов о книгах. Я любил книги и сейчас люблю не меньше. Врезалось в память первое посещение детской библиотеки (тогда она помещалась в нынешней районной), моя первая библиотечная книжка – «Гадкий утенок» Андерсена, которую сам попросил, не знаю почему. Хотя я учился рисовать и помимо школы, способностей живописца у меня никогда не было и нет. Я так и не научился рисовать человека. Но в детстве я рисовал больше почему-то улицы с паутиной проводов и рядами уличных фонарей, фабрики с огромными трубами. Когда стал постарше, бегал на линию – глядеть на Павлово-Покровскую фабрику и трубу, а также на мчавшиеся поезд, особенно на паровозы. Что меня влекло к фонарям, трубам и паровозам, сказать трудно. Может, какое-то неосознанное детское преклонение перед человеческим гением, открывшим электричество, перед могущественными

творениями рук человеческих? В связи с этим, помнится, на меня произвела огромное впечатление книга старой писательницы Л. Будогоской «Повесть о фанаре». Недавно она была переиздана, и я купил ее, но едва начав читать, понял, что это излишне. Содержания повести я уже не помню, но какой-то трепет от первого детского восприятия сохранился. Я не стал перечитывать детскую книжку, чтобы не разрушить воспоминания.

Совсем не помню, как нас принимали в пионеры и когда это было. Наверное, классе в четвертом. И тут я позволил себе остановиться на одном из многих посещений Павлово-Покровского клуба, где приезжие артисты давали нам спектакли. Театр мы посещали часто. Но на меня произвела наиболее сильное впечатление пьеса Ал. Бруштейн «Голубое и розовое» – из жизни революционной гимназии – все эти чопорные классные дамы с мечанским образом мысли и трепещущие перед ними ученицы-гимназистки, среди которых есть любимчики (дочки состоятельных родителей) и презираемые – из семей беднее, а тем более «бунтовщиков»-революционеров. Пьеса эта долго будоражила мое воображение. Сейчас она стоит у меня на полке.

Ты скажешь, Лариса, я, мол, просила рассказать о пионеротряде, пионерской жизни, а тут все детство... Но у меня все сплелось воедино, все растворилось в прекрасном понятии детства и школьных лет.

Впрочем, расскажу и о пионерских годах. В 18 школу я поступил на второй год после ее открытия. Многие тогда предстояло сделать руками пионеров и школьников. Битый кирпич и камни окружали здание школы. Она стояла среди пустыря. Участок ей принадлежал МЮД – теперь красивый, утопающий в зелени, тогда был похож на захлапленную свалку. На нем-то мы своими руками и разбивали фруктовый сад, который стал теперь уже совсем взрослым. Мы сажали яблони, клубнику. У меня и дома был сад и огород, но я бегал в школу, где под руководством обязательнейшего человека, нашей учительницы ботаники Нины Ильиничны Формаж, ныне покойной, много трудился на малосеньком пришкольном опытном участке овощей и злаков. Недолгое время нашим наставником была К.М. Ахлынина, много сил отдала участку Е.И. Холостова, которая научила нас ухаживать за комнатными растениями и животными в зоолого-ботаническом кабинете.

Дела пионерские переплетались в неразборчивое целое с делами человеческими, с самыми разнообразными видами труда. Я сейчас не могу припомнить ни одного пионерского сбора, ни одного собрания, потому что не на собраниях дело делается, а в повседневной практической трудовой деятельности человека – как большого, так и маленького. Но зато остался в памяти образ нашего пионервожатого Саши Барышева. Жил он в Филимоново, родители его работали там же, на шелко-ткацкой фабрике. Саша был года на 2–3 старше нас, но казался совсем взрослым и самостоятельным. Словом, авторитетным старшим товарищем, которого мы очень любили и уважали. Еще запомнился Шумилов. Его, кажется, тоже звали Александром. Время тогда было предгрозовое, и он, подтянутый, в черном строгом кителе, обучал нас от общества Осавиахим правилам личной защиты от вражеского нападения – обращению с противогазом и т.п. Оба они не вернулись с фронта... Александр Барышев (подробнее о нем писала недавно наша местная газета – можно спросить у вожатого, библиотекаря или учителя – помогите найти), сын рабочего, старался познакомить нас с жизнью, показать ее нам. Незабываемой осталась моя первая в жизни экскурсия

на Филимоновскую фабрику, которую он нам устроил. И что удивительно: я ведь учился тогда, наверно, в 5 или 6 классе, т.е. был в твоём возрасте, Лариса, но мне запомнились не только прекрасные шелковые ткани, удивительной красоты их расцветка, художественные портреты, которые ткали искусные мастера, на меня очень глубокое впечатление произвела сама атмосфера рабочего цеха, тяжелый труд ткача, жаркий цех, невероятный шум станков и страшные снующие взд-вперед челноки, которые иногда с большой скоростью вылетают из станка и могут искалечить ткачику.

Потом, уже взрослым, мне довелось побывать на множестве заводов и фабрик – переходить через «ручек» расплавленного чугуна, вытекающего из огромной дыры; видеть, как извергает каскады искр из раскаленной стали, выливают в колоссальные чаны жидкий металл из марленов. Мне приходилось спускаться в угольные шахты на 500-метровую глубину, видеть, как трудятся угольщики. Их труд еще тяжелее, но я до сих пор не перестаю поражаться выносливостью ткачей, работающих в этих душных, с повышенной влажностью цехах. И причина тому – впечатление детства, самое глубокое и непосредственное. Так запомнил нас с жизнью, с трудом наших отцов и старших вожатый Александр Барышев.

Вторая неизгладимая наша вылазка под руководством Саши носила иной характер. Однажды, зимой, мы совершили лыжный поход в лес, где остановились в небольшом домике у старых латышей. Были супруги очень старые, в доме у них было непривычно тепло, бедно и, прямо сказать, весьма неприятно. Бывшие с нами школьники сразу взялись помогать старикам – вымыли полы, прибрали в доме, а мы, ребята, нарубили сучков, накололи дров и натаскали воды. Потом устроили что-то вроде обеда и старичков покормили, а те рассказывали нам какие-то старинные легенды. Поездка была не только оздоровительной, но и, можно сказать, этнографической. Я так и не знаю, откуда очутились в здешнем лесу латыши, кто они и т.д. Тогда, наверно, мы расспрашивали обо всем у Саши, но из памяти все выветрилось. А загадочность этих старых лесных обитателей и по сей день таит аромат.

Со 2 школой, где ты учишься, у меня тоже связаны воспоминания. Мы переехали в нее с началом Великой Отечественной войны. Время было очень тяжелое, голодное. Но мы тогда как-то успевали делать все: и учились, и чуть не каждое воскресенье с санками и мешками отправлялись в поход на Насыревские болота за торфом для школы – топить было нечем, и на дом нам сбрасывали десяток военных плащ-палаток, которые мы обрабатывали – обрезали нитки, заделывали петли, нашивали особые пуговицы и т.д. В войну мы сразу как-то повзрослели. Летом работали в мастерской – набивали на те же палатки по углам металлические кольца, чтобы их можно было натянуть как тент. Во 2 школе я проучился два военных года, между VIII и IX классом поступил в ВЛКСМ, тут же я стал заниматься на заочных курсах ИЯЗ. Учили мы немецкий язык, давался он мне очень легко, и я решил сам изучать английский. Сейчас это как будто явление заурядное, а тогда меня все спрашивали, как и что. Тогда это было на редкость. Эти занятия, может быть, и определили мое будущее. Я в конце концов поступил в Институт востоковедения, стал изучать китайский язык, потом окончил аспирантуру в МГУ по кафедре китайской литературы, а сейчас читаю лекции, веду семинары по этому предмету у студентов МГУ, пишу исследования, занимаюсь переводом художественной литературы.

Вот что под впечатлением твоего письма, дорогая Лариса, всплыло в моей памяти из прошлого – всплыло навсегда ушедшее детство – неповторимое, а потому дорогое и прекрасное как сказка.

В заключение моего затянутаго письма мне хочется пожелать тебе, дорогая незнакомка Лариса, успехов в учении и чтобы у тебя было счастливое детство и юность – самая прекрасная в своей неповторимости пора жизни человека, чтобы ты потом занималась любимым тебе делом счастливо – в этом ты найдешь счастье.

С приветом
Манухин Виктор Сергеевич,
кандидат филологических наук,
доцент Института восточных языков при МГУ, ул. Ленина, 17.
24/1 71 г.

В заключение хочется добавить несколько слов о судьбе «Письма Ларисы Князевой». В мае 2011 года оно было передано на хранение в музей средней школы № 2 Павловского Посада с любезного разрешения нынешнего заведующего кафедрой китайской филологии ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова проф. Марка Юрьевича Ульянова. Считаю своей приятной обязанностью выразить проф. Ульянову благодарность за этот подарок. Также выражаю искреннюю благодарность начальнику Архивного отдела администрации Павлово-Посадского района Галине Ивановне Прониной и сотрудникам архива за помощь в поиске и уточнении некоторых дат и имен, важных для составления жизнеописания Виктора Сергеевича. Благодарю Еву Матвеевну Смирнову за предоставленные для публикации фотографии из ее домашнего фотоархива.